

13 01 ЮЛ 1974
Дневниковый номер
Г. Москва

Л ЕТО—уже давно снята последняя афиша сезона, и сцена Большого театра «отдыхает» от спектаклей, репетиций, гастролей.

В кассах Аэрофлота солист оперы Евгений Райков берет билет до Братска. Дорога в Братск знакома певцу так же хорошо, как на Усть-Илим или КамАЗ...

— Евгений Тихонович, Вы были на многих комсомольских стройках страны...

— К сожалению, не был на БАМе. Надеюсь, очень скоро буду и там. Когда я приезжаю на молодежные стройки, я вижу, с какой самоотдачей работают там люди, и стараюсь петь для них так, чтобы самим им хотелось петь и радоваться жизни...

Я люблю выступать на строительных площадках, в лесу или заводских цехах. Люблю, может быть, и потому, что сам был рабочим.

В Москве, на Красной Пресне, есть завод «Машиностроитель». Там работал Евгений Райков десять лет —

Евгений
РАЙКОВ:

сначала модельщиком по дереву, потом электросварщиком и столяром-краснодеревщиком. Тогда уже выступал в заводской самодеятельности.

Если режим оперного певца можно сравнить с режимом спортсмена, то к такому режиму Райкову было не привыкать. Он любил бокс.

Райков знал и победы, и поражения. Иначе не бывает ни в спорте, ни в искусстве. И когда в 1957 году Евгений Райков поступал в Московскую консерваторию, его не остановили слова экзаменатора: «Голос у вас не сильный, пожалуй, для самодеятельности». Просто он твердо знал, что спел тогда намного хуже, чем мог, был сильно взволнован.

— Неудача эта не стала для меня тормозом, а, напротив, «подстегнула» меня, что

«Беру билет до Братска»

ли. Я стал еще больше заниматься, разучивал итальянские песни и через год уже пел на вступительных экзаменах в Гнесинское училище «Вернись в Сорренто» и арию Каварадосси — сейчас это одна из самых любимых мною оперных партий. И я поступил...

— Но вот всего лишь три года в Государственном музыкальном училище им. Гнесиных — и Вы уже на сцене Большого театра. Было ли для Вас это неожиданностью?

— Знаете, я и мечтать не мог, что так получится. Для меня уже было большим счастьем, что в Гнесинском я попал в класс Ксении Аркадьевны Мальковой. Именно ей я больше всего обязан тем, что стал оперным певцом.

Но вот солистка оперы Мария Митюкова привела меня на прослушивание в Большой

театр — один бы я, наверное, так и не осмелился...

После прослушивания мне сказали, что берут в стажеры. И я ходил вокруг театра — кругов шесть обошел, не меньше, — и никак не мог понять: неужели меня сюда взяли...

— Как началась Ваша жизнь на сцене театра?

— Видите ли, петь в Большом я начинал не на сцене, а за сценой — Запевалой в «Евгении Онегине».

После Запевалы в «Онегине» я попал в число восьмерых стрелецких начальников в «Хованщине». Первое же мое как бы «самостоятельное» появление на сцене — Русский воин в «Иване Сусанине». Сначала голос Русского воина звучит за кулисами — и это было для меня делом привычным. Но вот потом он выходит на сцену и

поет «Страха не страшусь...», причем уже в другой тональности. Я пел «Страха не страшусь...», но меч в моей руке дрожал.

Каждый раз встреча с новой работой начинается для Евгения Райкова с того, чтобы узнать как можно больше о своем герое. Если это, к примеру, Самозванец из «Бориса Годунова», значит, певцу должно быть ясно решительно все, что связано с эпохой Годунова.

...Кружится черный диск. Драматический тенор поет ариозо Германа из «Пиковой дамы» Чайковского, арию Каварадосси из «Тоски» Пуччини. Легко и свободно льется голос — в нем сила, мягкость и красота... Пока это только запись. Партии эти Евгению Райкову еще предстоит спеть на сцене.

Т. МАРШКОВА.